

А. Н. РОБИНСОН

Жанр поэтической повести об Азове

В статье „Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г.“ (см. Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 40—59) мною дана характеристика той исторической обстановки, которая отражена в Поэтической повести об Азове, и показано, что эта повесть исторически правильно освещает точку зрения донского казачества середины XVII в. на политический смысл борьбы с турками, на взаимоотношения Донского войска с Московским правительством, что в целом повесть представляет собой публицистическое произведение, имевшее целью убедить Земский собор в необходимости поддержать Донское войско в его борьбе за Азов. Настоящая статья ставит своей задачей показать, как возникла самая форма художественного выражения повести, какова связь этой формы со своеобразной литературной культурой казачества, с одной стороны, и с традициями древне-русской литературы, с другой. Вместе с тем статья покажет, что самый выбор художественной формы автором повести неразрывно связан с ее публицистическим заданием.

Еще Ф. И. Буслаев указал, что повесть об Азове „имеет форму реляции или официального донесения“¹ скажем точнее, войсковой отписки царю о происшедших событиях. Однако вопрос о том, каковы же литературные особенности этой канцелярской формы и почему именно она оказалась пригодной для поэтического изображения азовской осады, остается еще не изученным. Между тем, особенности Поэтической повести как раз таковы, что раскрытие природы и характера ее жанра является ключом к правильному пониманию стиля и социальной функции этого памятника.

Уникальность жанра повести об Азове уже говорит о том, что, создавая свое произведение как воинскую повесть какого-то нового и еще незнакомого нашей литературе типа, автор предпринял своеобразное и смелое творческое начинание. Значение этого начинания раскроется

---

¹ Ф. Буслаев. Русская хрестоматия. М., 1870, стр. 272.

нам тогда, когда мы обратим внимание на полное соответствие избранного жанра „отписки“ выражению политических задач и идеологических особенностей Войска Донского того времени.

Констатация того факта, что русская литература не знает другого произведения такого жанра, разумеется, необходима и сама по себе очень примечательна для характеристики нашего автора и его повести, но в то же время она совершенно недостаточна. Если бы мы ограничились признанием оригинальности жанра повести об Азове, как это сделано, например, в статье Н. И. Сутта,¹ то такое признание, в свою очередь, могло бы легко породить мысль о каком-то случайном возникновении данной художественной формы, которая, казалось бы, не имела себе подобных и не была связана с общими закономерностями исторического развития нашей древней литературы. В действительности же материалы письменности и литературы XVII в. укажут нам на совершенно обратное.

Построение художественно-исторического повествования на основе содержания официальных документов, принятых автором в качестве источника сведений об изображаемом событии, само по себе было давно известно нашей старой литературе. Отметим, например, летописную повесть о многолетней борьбе князя Юрия Дмитриевича против великого князя Василия Васильевича, которая, как полагают, возникла в середине XV в. в великокняжеской канцелярии под пером одного из ее дьяков.² Еще ранее в состав летописи вошел рассказ о победе русских над войском Бегича на р. Воже в 1379 г., который был основан „на официальной реляции“.³ Известен также и факт значительной зависимости „Повести 1606 г.“ от содержания правительственных грамот царя Василия Шуйского, причем автор повести включил в состав своего произведения отдельные тексты этих документов.⁴ Царские грамоты включаются в текст и Сибирских летописей.⁵

В тех случаях, когда наши писатели более ранней поры обращались к тому или иному канцелярскому документу, как к источнику, они использовали, главным образом, содержание документа, частично, может быть, его язык, но в целом, как правило, их произведение отличалось при этом не в канцелярские, а в обычные формы книжной традиции.

1

В XVII в., особенно во второй его половине, использование канцелярских документов в литературных целях приобретает иной характер. В это время в русской литературе в связи с общим процессом ее обмир-

¹ Н. И. Сутт. Повести об Азове (40-е годы XVII в.). Моск. Гос. педаг. инст. Уч. зап., каф. русск. лит., вып. 2, 1939, стр. 17.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 199.

³ Там же, стр. 202.

⁴ С. Ф. Платонов. Древне-русские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888, стр. 10—16.

⁵ См. Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 62—64.

щения, в связи с развитием экономических и торговых отношений, увеличением числа государственных и частных канцелярий, ростом всевозможной переписки и документации, более широким распространением культуры и грамотности в демократических кругах вообще, возникают произведения, авторы которых стремятся следовать различным документальным образцам уже не только как источнику тех или иных сведений, но и как определенной литературной форме. Литературные произведения принимают форму тех документов деловой письменности, которые были хорошо знакомы как самим авторам-профессионалам канцелярского дела, так и широкому кругу их читателей. Это было время, когда „московский приказный язык достиг большого развития и имел все данные, чтобы вступить в борьбу за литературные права“¹ с славяно-русским языком старой книжности.

Это своеобразное новое литературное явление наблюдается в произведениях различного содержания и характера. Социально заостренная сатира находила свое воплощение в жанрах „челобитных“, „правых“ и „судных“ грамот, пародировавшихся наравне с различными формами церковной литературы, лечебниками, заговорами, песнями и т. д.²

Остановимся подробнее на использовании „статейных списков“ — отчетов государственных послов, в которых они подробно излагали свое путешествие к месту назначения и исполнение посольских обязанностей. Статейные списки писались в приказно-канцелярской среде „государевых служилых людей“ и, по замечанию В. В. Виноградова, отражали „литературную речь русского интеллигента той эпохи“.³

На основе этой формы возникают вымышленные статейные списки посольства Андрея Ищенна к турецкому султану Мурату в 1570 г. и посольств князя З. И. Сугорского и Ж. И. Кващина к королю Максимилиану (первое в 1576 г.).⁴

Эти произведения отражали в известной мере исторические факты, связанные с определенными посольствами,⁵ но щедро дополняли их вымыслом и, что особенно интересно для нас, четко воспроизводили построение и стиль избранного канцелярского образца. Вымышленные „статейные списки“ создавались в русле примерно той же эпистолярно-деловой традиции, которая воздействовала и на Поэтическую повесть об Азове. Они охотно воспринимали канцелярские формулы аналогич-

¹ В. Виноградов. Пушкин и русский литературный язык XIX в. — Пушкин родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М. — Л., 1941, стр. 543.

² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., 1937; Ф. П. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная царю Петру Алексеевичу. Воронеж, 1913.

³ В. Виноградов. О слове „ахиная“ в русском литературном языке. (Русская речь, нов. сер., III, Л., 1928, стр. 30, прим. 1).

⁴ См.: Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1883, стр. 5—11, 15—24; далее страницы указаны в скобках.

⁵ С. Белокуров. Списки дипломатических лиц русских за границей, вып. I, М., 1898, стр. 37—38.

ного характера, пользовались близким языком и стилем. Отметим, например, что уже известная нам по Поэтической повести и документам формула царского титула с оборотом „государь и обладатель“¹ нашла свое отражение и в литературном „статейном списке посольства кн. З. И. Сугорского“, где говорится: „Государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси... и многих государств государь и обладатель“ (13). Вымышленные статейные списки, в особенности „список“ кн. З. И. Сугорского, наряду со своей приказно-канцелярской основой, используют традиционную риторику в духе повестей начала XVII в., не чуждаются элементов живой речи и в целом составляют тот род литературного произведения, который сочетал свою якобы подлинно-документальную форму, придававшую ему характер достоверности и даже официальности, с занимательным литературно-историческим повествованием, включавшим в себя и элементы „чудесного“ — например, „предсказания“ короля Максимилиана о судьбах царской династии в России.

Вымышленные статейные списки распространялись в рукописях наряду с обычной повествовательной литературой и, любопытно отметить, неоднократно включались в те же сборники, в которых были помещены повести об Азове. Так, например, в сборнике № 632 собрания В. М. Ундольского (Библиотека им. В. И. Ленина), где содержатся Историческая повесть об азовском взятии и Документальная повесть об азовском осадном сидении, помещены и три статейных списка послон Ивана IV — А. Ищеина, З. Сугорского и Ждана Квашнина.² Один из списков Хронографа также включает в себя и список посольства З. Сугорского, и Историческую повесть об Азове.³ Сборник П. М. Строева № 96 содержит, в числе других, и Азовские повести — Историческую о взятии и Особую, причем непосредственно вслед за ними помещается вымышленный статейный список посольства кн. З. Сугорского и дьяка Андрея Арцыбушева к имп. Максимилиану.⁴ Это говорит о том, что переписчики и читатели, очевидно, ощущали известное родство повестей об Азове с литературными статейными списками. Родство сказывалось как в заметной близости элементов приказно-канцелярского стиля, насыщающих оба вида произведений, так и в некоторых близких моментах их содержания и идейной направленности. Например, в „списке“ о посольстве Андрея Ищеина к турецкому султану Мурату, в ответ на угрозу султана „Русь попленити и Москву засести“, разыгрывается интересная сцена: „Посол государев к царю (т. е. к султану. — А. Р.) кинулся з будием“, но был схвачен пашами, султан же велел его оставить: „а рек так: «за своего

¹ См. нашу статью: „Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове“ (Моск. ордена Ленина Гос. университет им. Ломоносова, Уч. зап., вып. 118, кн. II, 1946, стр. 47).

² А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты, М., 1906, стр. 12—13.

³ Там же, стр. 35, 38.

⁴ Там же, стр. 6—7; А. С. Орлов. Особая повесть об Азове. (Чт. в Общ. ист. и древн. рос., кн. 4, М., 1907, стр. 2).

государя изволил умереть, вы мне гако же служите и за меня умирайте»¹. Посол смело продолжал свою речь: „Ты ли, царю, не ведаешь? Ты турцы властвуешь и во Цареграде царствуешь и многие земли тебе приклонились, а нашего великого царя государя и великого князя атаманы от моря Хвалынского и казаки терьские и донские, и волские, с твоих державных земель и областных городов со многих дани и выходы многие емлют, да еще государь царь наш им не повелел“ (9). Здесь, таким образом, в „дипломатических“ переговорах с турками о политическом режиме пограничных областей, большое внимание уделяется казачеству, причем и роль казачества в борьбе на „украинах“ и двойственная политика Москвы по отношению к нему рисуются примерно в тех же тонах, что и в повести об Азове.¹

Далее посол укоряет султана в его желании отнять Астрахань и говорит совсем уже в духе нашей повести: „И ты где свой царский ум попрали и степень свою царскую посрамил, как тако могл изрещи неподобные словеса!“ „Царь слушает. Послу велел говорить. Посол говорил: «...Неподобаает тебе, царю, во Цареграде царствовати... Подобаает ти Царьград отъдати прародителю Августа Кесаря, великому государю нашему, царю и великому князю Иванну Васильевичю всеа Русии, а тот бо от колена царска и престола римска и Цареградцка»“ (10).

Яркий колорит изображенных здесь вымышленных переговоров с турецким султаном, смелость и патриотизм русского посла, политическая острота вопроса о пограничных областях и, в связи с этим, подчеркивание военного значения казачества, наконец, в заключение, известная политическая и религиозная идея овладения Царьградом, высказанная и в Поэтической повести об Азове, — все это в значительной степени сближает содержание и общий тон этого „статейного списка“ с азовскими повестями и делает вполне понятным их соседство в рукописных сборниках.

Писатели-канцеляристы пробовали свои литературные силы и в жанре псевдо-официальной дипломатической переписки. Они сочиняли подложные грамоты, которые воспроизводили якобы подлинную переписку между враждующими монархами.²

Если в вымышленных статейных списках, согласно с подлинной формой данного типа документов, канцелярско-риторическая стихия сочеталась с элементами сюжетности, описания действий посольства, его пребывания в чужих землях, сцен придворного быта и этикета, то в подложных грамотах перед нами выражение главным образом взаимных угроз, брань и насмешки корреспондентов. Грамоты эти сочетали элементы делового языка с грубоватым просторечием, обломками книжных традиций и ча-

¹ См. подробнее в нашей статье „Поэтическая повесть об Азове по новому списку“, помещенной в т. VI наст. издания. Предлагаемая статья о жанре повести в ряде своих положений является продолжением указанной.

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 448—458; далее цит. по этому изданию, в скобках указ. страницы.

стично с мотивами фольклора. Остановимся на этом материале несколько подробнее.

Подложные грамоты в жанровом и стилистическом отношении стоят ближе к Поэтической повести об Азове, чем другие литературные произведения XVII в., построенные на основе канцелярских форм. Они интересны для нас как показатель того направления, в каком развивалось литературное творчество канцеляристов-мастеров дипломатической переписки, когда оно освобождалось от конкретных деловых задач, сдерживавших их при составлении подлинных грамот и описок.

По вполне основательному мнению А. Попова, эти подложные грамоты отражают события войны союзных стран — России, Польши и Австрии против Турции. „Во время этой войны, следовательно в 70-х или 80-х гг. XVII в., скорее всего могло прийти на мысль русскому книжнику сочинить переписку с султаном от лица главных участников в борьбе с ним“.¹ В первых трех грамотах их составитель совершает своего рода исторический экскурс и воспроизводит переписку между Иваном Грозным и турецким султаном. Остальные шесть грамот „составляют как бы часть одного целого“ и „приписаны главным участникам в турецкой войне: императору Леопольду, польскому королю... и чигиринским казакам, мужественно противостоявшим туркам в походы 1677—1678 гг. Таким образом, в этой переписке единственными представителями Руси остаются чигиринские казаки, от московского же правительства того времени грамот нет. Чигиринская грамота, впрочем, может служить их заменой: она написана энергичнее и польских ответов султану и австрийских“.²

Наблюдения А. Попова, говорящие о том, что во всей этой дипломатической переписке роль единственного представителя России казаки берут на себя, позволяют нам думать, что эти грамоты были написаны людьми, стоявшими близко к казачеству, скорее всего сотрудниками казачьих канцелярий. Эта мысль подтверждается наличием в составе подложных грамот варианта известного „письма“ запорожцев турецкому султану и, кроме того, теми особенностями их содержания и стиля, которыми, как увидим, данные образцы канцелярско-литературного творчества в ряде случаев напоминают Поэтическую повесть об Азове.

Первая грамота представляет собою велеречивое „послание“ от Ивана Грозного к турецкому султану, в котором русский царь выражает свое намерение „двинутися на твою (султана.— А. Р.) неверную державу, потому что не могах терпети злоскареднаго вашего дьявольства“ (450).

Послание полно иронии: царь посылает султану „конечный мир— обоюдный меч“ и говорит: „гнев велю утолить, и мечу не велю удержатися, дондеже сокрушу царство твое до конца“ (450).

В ответ на предложение султана прислать ему „дани“ и „оброк“, царь иронически заявляет: „впервые бы послал к тебе малого слугу и воеводу своего, а дал бы к тебе везти от своего царския силы острый

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 228.

² А. Попов. Обзор хронографов..., стр. 229.

мечь и неунятную свою саблю, и ты бы, неверный, от того дни свое неверное державство оставил, укрылся в горы каменные; и аз бы еще послал к тебе атамана своего, и дал бы им своя казны оброк к тебе везти пушки, скорострельные пищали, и ты бы от того оброку и тамо не укрылся бы; да еще с тобою справишься — велел тебя жива перед собою поставить...“ (449).

Эти угрозы и насмешки и общим своим тоном и отдельными мотивами напоминают казачьи угрозы по адресу султана в повести об Азове. Ср., например: „Не укрылся бы вашь Обрагим турской царь от руки ево государевы и от жестосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и уды ея распороли да перед лицом ево царевым поставили“ (Б, 139);¹ или „и поставили бы его перед нашим великим государем царем, аки пса смердящего, жива“ (Р, 190).

В ответ на эту грамоту следует „Послание турского царя Салтана..., а в послании пишет“ (ср. с канцелярской формулой нашей повести — „а в росписи пишет“, 129). „Салтан“ не остается в долгу и, обращаясь к „изрядному ратаю и плужному поганятелю Белому Ивану“ (т. е. Ивану Грозному), заявляет: „мечь мой устроится на тя с великою яростью“ (451) и проч.

Ответное царское „супротивно послание“ (№ 3) в основном повторяет первую грамоту.

После этих якобы старинных документов составитель обращается к современности и „воспроизводит“ дипломатическую переписку участников турецкой войны. Переписка открывается „списком з грамоты“ турецкого царя „римскому цесарю Леопалдусу“ (№ 4). „Магамет сын прехвальныя славы... сын божий“ в составе своего необыкновенно пышного титула не забывает упомянуть и о том, что он „земнаго рая страж и хранитель гроба господня“ (453) — ср. в речи турецких послов повести об Азове: „Толко лише он повинен единому богу небесному, и един он страж гробу божию“ (Б, 133). Далее „султан“ совсем в казачьем духе советует „цесарю“ не надеяться „на некоторыя свои городки“ и обещает их „в конец разорити“ — ср. в Поэтической повести: „и надежда у нас... на свою братю... которые у нас по Дону в городках живут“ (136). „Сверх того“ „султан“ обещает передать священников „псом на снедение и сосцы женския урезывати совершенно“, чтобы оставить „в государстве твоём токмо вечную память страха“ (453).

Ответная „грамота“ „Леопалдуса“ (№ 5) отличается аналогичным тоном и, между прочим, не без остроумия парирует особенно чувствительный для христиан полемический выпад „султана“ о том, что именно он является хранителем „гроба господня“ „Глупче, стражь будто гроба Христа моего пишешися и вменяешися, обаче да не хвалишися тем гоняся, всем бо добре псом бо вверяется, да стерегут двор царев и двери государей; они же мещут им по частице хлеба. Того ради и мы тебя имеем и пребываеши даже до нынешняго времени в страже“ (454).

¹ Здесь и далее цит. по указ. изданию А. С. Орлова, в скобках помещаем обозначение списка повести и страниц издания.

Вслед за этой „граммотой“ помещается „список с переводу польскаго письма, а в Полше переведено с турскаго писма и языка“ — послание „султана“ к „польскому королю“ (№ 6). Здесь „султан“, между прочим, жалуется на казаков: „для чего воздвиг на наше панство монархию казаков украинских, что собак бешеных пропускаешь, которые в поле разоряют и пуцают...“ (455). За этим следуют образно-риторические угрозы: „Не отсидитесь, как наши орды татарския страшныя в полях диких покажутся, его же око исчещи не возможет, которые к нам идут... задрожит весь свет, не токмо король с князми милыми своими, но и земля таковых войских воздержат не возможет. Когда который с войски своими пройдет, море воздрожит, звери зарычат, лесы возшумят, и звезды почюдятся шума ради громов наших, когда из пушек исходят страшные и огненные и сильные гласы, в то время узнаете веру нашего, распятаго бога вашего, в котором имеши надежду...“ (455).

В последней (№ 9) грамоте — втором послании „султана“ к „польскому королю“ — дается аналогичная и еще более развитая картина: „и те (войско турскаго царя. — *А. Р.*) на тебя будут яко водная попоптопа и грозная туча... и в те поры с великою страстью и с дрожью нашу силу и мочь изведаете. Вздогнет твоя земля, и государство не поднимет ту великую войскую силу, и великое море начнет волнами играти, как большая корабельная сила наших каторг окажется, и на мори станут ворошиться дикие звери, устрашатся и учнут бежать и кричать и реветь, от нашея силы гнутся. И небо, что бог сотворил, и солнце и месяц, и звезды удивятся и ужаснутся, как и страшные свои большие громовые и молненные огонь пуцаемые пушки велю запалить и выстрелить, то вся земля от того вздогнет, и лесы и древа от того учнут валаться кучами от великия силы и многих наших пушек. Что ты, королишко, в то время скажешь с своими з горсткою людми, как ты ту силу увидишь, делаешь, будто хочешь комаров и слепней повоевать нашу мочь и силу“ (457).

Риторический пафос сочинителя-канцеляриста достиг здесь своего апогея и явно нарушил всякую меру художественности. Используя привычные образы старой книжной и частично фольклорной поэтики произведений „воинского“ жанра, составитель этих грамот превратил их в бутфорское нагромождение риторических „ужасов“.

Не ставя своей целью произвести детальный анализ приведенных риторических картин обеих грамот, поскольку сами они выполняют только служебную роль в нашей работе, ограничимся сопоставлением нескольких наиболее характерных традиционных мотивов, в некоторых случаях типологически связанных и с Поэтической повестью.

Вражеских войск — „око исчеши не возможет“. Ср. в Повести о Мамаевом побоище: „несть мощно никому же исчеши силы их“;¹ в Повести о Еруслаане: „не мощно ея (рати. — *А. Р.*) объехати и оком

¹ Русский исторический сборник, т. III, кн. 1, М., 1838, стр. 23.

обозрети“¹, в Поэтической повести об Азове: „Не могут... очи ваши видети другова краю сил наших“ (Б, 134). В фольклоре: „А и силы то было видимо-невидимо, ни сметить силы, ни списать нельзя“.²

От множества „силы“ „вся земля от того возрогнет“ или „задрожит весь свет“. Ср. в Повести о Мам. поб.: „горы и холмы тряхнутся от множества вой бесчисленных“;³ в Поэтической повести об Азове: „все наши градския азовския крепости потряслись“ (Б, 131). В фольклоре: „Затрясласе матушка сыра земля“.⁴

„Земля таковых войских воздержать не возможет“. Ср. в Девгениевом деянии: „воинства их не может земля держать“.⁵ В фольклоре: „Да не держит меня да мать сыра земля“.⁶

„Море возрожит“ или „великое море начнет волнами играти“. Ср. в летописи: „и бе видети страшно татаром... множество Руси, а в солнечные дни яко же море колеблющися“.⁷ В фольклоре: „Еще батюшка синее море да сголы байтсся“,⁸ „Мать сыра та земля да потрясласе, Ише синее море зволновалосе“.⁹

Два сравнения: „и те на тебя будут яко водная попотопа и грозная туча“. Первое ср. в летописи: „а иноплеменницы ко граду, яко вода налияся“,¹⁰ в фольклоре: „Тут не вёшна всё вода да разливаласе, Все тотарьска сила-та подвигантце“.¹¹ Второе ср. в Поэтической повести об Азове: „Как есть стояла над нами страшная грозная туча“ (ИЗ, 175). В фольклоре:

Накатается вдруг туча темная,
А бы темна туча, туча грозная,
Навалилося ерда неверная.¹²

Гиперболическое описание действий пушек тоже в основе своей традиционно: „И страшные свои болшие громовые и молненные огонь пушцаемые пушки велю запалить... то вся земля от того возрогнет“. Ср. в Повести, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому: „гром велий от стрельяния пищалнаго, и молния“.¹³ В Поэт. повести об Азове: „от стрельбы их

¹ Летописи русской литературы и древности, т. II, М., 1859, стр. 105.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, М., 1868, стр. 62.

³ В. Н. Перетц. Историко-литературные материалы и исследования, т. III, СПб., 1902, стр. 8.

⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904, стр. 340.

⁵ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, стр. 315.

⁶ Н. Ончуков. Печорские былины, СПб., 1904, стр. 306.

⁷ Полн. собр. русск. летописей, т. VI, под 1472 г., стр. 31.

⁸ А. Д. Григорьев, ук. изд., I, стр. 22.

⁹ Беломорские былины, записанные А. Марковым, М., 1901, стр. 54.

¹⁰ Полн. собр. русск. летописей, т. VI, под 1536 г., стр. 298.

¹¹ А. Марков, ук. изд., стр. 39.

¹² Н. Ончуков, ук. изд., стр. 132.

¹³ Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб., 1892, стлб. 614.

огненной... как есть страшная гроза небесная, когда бывает гром с молнией" (В, 144). В фольклоре:

Что не молния на небе проблеснула:
Голубец наша пушка, разряжалась;
Не громкий гром на небе взгрянул...¹

Ограничиваясь этими сопоставлениями, заметим, что литературное обогащение стиля подложных грамот шло здесь, в основном, как и в повести об Азове, в направлении использования и одновременно риторического развития традиционных мотивов „воинских“ жанров старой книжности и фольклора.

В составе разбираемых подложных грамот находятся еще два „письма“, пожалуй, наиболее выразительных. Это русский вариант легендарного послания султана Мухаммеда IV запорожцам и их знаменитый ответ: „Список с письма, каков прислан в Чигирин к казакам от турецкого салтана июля в 7 день 1678 году“ (№ 7), за которым следует „ответ от казаков из Чигирина салтану“ (№ 8). Эти короткие „письма“ интересны в композиционном отношении. В первом из них воспроизводится длинный пышный титул султана и в самом конце „письма“ передается требование „цесаря турецкого“, чтобы казаки „добровольно поддались“ ему. Во втором „письме“, написанном в тоне грубоватого, но острого казачьего юмора, последовательно пародируются все „статьи“ султанского титула и в заключение отвергается его предложение. Сопоставим выдержки из обоих „писем“.

Письмо „салтана“.

„Салтан, сын салтана турецкого, цесарь Турской, Греческой, Македонской, Вавилонской, Иерусалимской, паша Асирийской, Великого и Малаго Египта, король Александрийской, Армянской и всех на свете обитающих, князь над князьями, внук божий... хранитель распятого бога... надежда и утешение бесерменское, христианом скорбь и падение, повелеваем вам, чтобы есте добровольно поддалися всеми людьми“ (455).

Ответ казаков.

„Салтан, сын проклятого салтана турецкого, товарищ сатанин, бездны адовы, салтан Турской, подножие Греческое, повар Вавилонской, бронник Иерусалимский, колесник Асирийский, винокур Великого и Малаго Египта, свинопас Александрийский, арчаг Армянской,... и всех земных подданных шпынь и скаред... адов внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг... надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же, не поддадимся тебе, но битися с тобою будем“ (456).

„Речь“ турецких послов и ответ казаков в повести об Азове, насыщенные, в отличие от грамот, большим фактическим и идейным содержанием, тем не менее живо напоминают их и своим грубоватым насмешливым тоном и конструктивной зависимостью второй „речи“ от первой, как развернутой антитезы к ней. А. С. Орлов считает даже, что Поэтическая повесть обусловлена „заимствованием“ из такого „памфлетного казачьего письма султану, в котором пародически опозорен его пышный титул.“² Но мы думаем, что здесь можно говорить только об общей типологической близости.

¹ П. В. Киреевский, вып. 8, стр. 135.

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 330.

Следует отметить, что эта псевдо-документальная, „курьезная“, как ее называют, переписка казаков с султаном, послужившая, между прочим, сюжетом известной картины И. Е. Репина „Запорожцы“,¹ образовала в среде запорожского казачества и на Украине вообще довольно развитую литературную традицию.² „Грамоты“ подобного рода известны в ряде списков, причем сохранилось любопытное свидетельство, говорящее о тенденции воздействия этой литературной переписки на переписку документальную. В 1697 г. турки осадили крепость Тавань, которую защищали 700 казаков и полк солдат. В ответ на турецкие письма с предложениями о сдаче и выкупе, посылаемые на стрелах, казаки „сгоряча“ приготовили ответ: „Ты султан турецкий, из проклятых проклятой, бусурман, брат и товарищ чорта, люцыферов сын... (в повести об Азове, сатана именуется „отцом“ султана. — А. Р.)... погане собачье мясо! Войско твое поганое“³ и т. д. в духе уже цитированной грамоты. Однако письмо это, написанное „сгоряча“ по образцу известного канцелярско-литературного послания запорожцев к султану, не было послано; взамен его составлен был следующий ответ: „Мы, старшины Войска запорожского... читали ваше письмо... Мы на вас бусурманов не походим, ложным пророкам не верим, надежду возлагаем на бога... и наши сабли еще не заржавели, и наши руки еще не ослабли“⁴ и т. д.

В среде запорожского казачества существовали также образцы аналогичной „переписки“ польского короля Жигимонта с султаном, которая характеризуется „канцеляристом Войска Запорожского“ и летописцем его С. Величко как „гневливая и досадительная листовная корреспонденция“, взятая им „з кронечки рукописной казацкой, в Переяславле Малороссийском року 1636 написанной“.⁵ Любопытный пример подобного же канцелярско-литературного казачьего творчества представляет „письмо“ запорожцев, во главе с известным атаманом И. Сирко, крымскому хану. Упрекая хана в недостойном ведении войны, казаки указывали, что он юстует „не по кавалерску“, выражали „всему панству крымскому свою зневагу и обиду“ и обещали „отомстити, но явне, а не тайне“.⁶

Эти примеры показывают, что в среде запорожского казачества в XVII в. существовала своя литературная традиция, в основе которой лежало

¹ Н. Щекотов. Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина, М.—Л., 1943, стр. 1—20.

² Русская старина, 1872, октябрь, стр. 450—451; там же, 1873, июль, стр. 92—93. Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, т. II, СПб., 1895, стр. 517—518; его же „Иван Дмитриевич Сирко“, СПб., 1894, стр. 97—98; Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3, М., 1913, смесь, стр. 10—11.

³ Турецкий султан и запорожцы. Сообщ. А. А. Туган-Мирза-Барановского (Русская старина, 1873, июль, стр. 92—93).

⁴ См. сообщ. А. А. Туган-Мирза-Барановского, ук. изд., стр. 93.

⁵ С. Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке, т. I, Киев, 1848, прил., стр. 3.

⁶ Письмо к хану крымскому войска Запорожного низового кошевого атамана Ивана Серка. Сообщ. Н. Н. Муравевич (Русская старина, 1873, июль, стр. 88—92).

использование документальных форм войсковой казачьей канцелярии. В этих формах, в частности, творчески „вопроизводилась“ переписка казаков с их противниками, во многом напоминающая стилистическую манеру „речей“ повести об Азове.

Рассмотренные нами подложные грамоты и письма запорожцев, подобно вымышленным статейным спискам, стоят еще только на грани художественной литературы и образуют как бы переходную ступень от деловой письменности к „беллетристике“ изучаемой эпохи. Привлечение этих грамот и писем, как образцов канцелярско-литературного творчества, и, в частности, творчества в среде запорожцев, которые в XVII в. находились в постоянных связях и общении с донскими казаками, было для нас очень показательным. Этот материал, наряду с другими приведенными примерами, не только позволяет констатировать наличие изучаемого литературного направления, но и обнаруживает в нем черты сходства с нашей повестью как в использовании отдельных жанровых особенностей и стилистических мотивов, так и в общей тенденции создания на „канцелярской“ основе гиперболизированного риторически-патетического стиля, своеобразно сочетающегося с грубоватым просторечием и острым народным юмором.

Итак, в XVII в. демократические писатели, в частности, казацкие канцеляристы, в поисках новых форм, отвечающих их социальным задачам и литературным вкусам, нередко строили свои произведения на основе жанра и стиля канцелярских документов. В этот же круг произведений по общей своей генетической, жанровой и стилистической зависимости от форм канцелярской письменности мы включаем и Поэтическую повесть об Азове.

2

Жанр повести — донская „войсковая отписка“, — единственный в своем литературном проявлении, по историческим условиям своего возникновения и типологическим особенностям оказывается, таким образом, отнюдь не одиноким и возникает как раз в начале того нового литературного направления XVII в., которое мы отметили. Это направление знаменовало собою начало широкого использования канцелярского языка в литературе, которое в первой трети XVIII в. сделалось в ней господствующим.

Обычное изображение военных событий в жанре общеизвестной традиции воинских повестей было заменено нашим автором своеобразной и необычной в литературе формой, самое возникновение и бытование которой, однако, явилось закономерным моментом в общем развитии демократизирующейся литературы XVII в. В соответствии с общественно-политической обстановкой, темой и задачами произведения, автор Поэтической повести поднял до уровня героической эпопеи жанр „войсковой отписки“. Вопрос о пригодности данной документальной формы для создания на ее основе героического воинского повествования исследователями Поэтической повести об Азове не только не разрешен, но и не поставлен со всей необходимой определенностью, хотя литературные достоинства казачьих донесений в Москву и отмечались.

„Документальная переписка Москвы с Доном, — как отметил А. С. Орлов, — местами очень литературна. Тон московских грамот заботливо выработывался... с 20-х гг. XVII в. формалистика московских грамот заостренела. Выработались деловые, сухие шаблоны и установилось их однообразное повторение. Шаблоны выработались и у казаков. Но донская жизнь, полная случайностей и неожиданностей, жизнь боевая, постоянно прорывала сеть канцелярщины, в которой стали было навязать казаки“.¹

К этим справедливым замечаниям А. С. Орлова следует добавить, что канцелярия Войска Донского, с одной стороны, не столько выработывала какие-либо свои шаблоны официальной речи, сколько усваивала и повторяла формулы царских грамот, а с другой, — широко вводила в отписки и порой закрепляла в своем обиходе неоднократным повторением некоторые элементы образной литературной и, особенно, живой казачьей речи.

Для правильного понимания литературных особенностей переписки Москвы с Доном нужно отметить, что в первой половине XVII в. Посольский приказ имел в лице Войска такого же необычного и своеобразного корреспондента, как и царь имел в его лице беспокойного и непокорного вассала.

Казаки считались подданными русского царя и официально всегда именовали себя его „холопами“. Однако в то же время они объединялись в своеобразную „республику“ — демократическую самоуправляемую военную общину, сносившуюся с Москвой через Посольский приказ, как иностранное государство. У Войска вообще „были все признаки, которые почитаются... необходимыми для государства“.²

Войско Донское отправляло в Москву своих представителей — легкие и зимовые станицы. „А как они к Москве приезжают, — свидетельствует Г. Котошихин — и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям“.³ Казаков, как иностранных послов, допускали „видеть царские очи, быть у руки“ и „у стола“, а потом еще „давали жалованье царское и поденный корм“.⁴ Войско постоянно пускалось и в самостоятельные дипломатические переговоры с крымским ханом, с Персией, с турецким Азовом, ногайцами, запорожскими — „королевскими“ казаками, а через них иногда и с Польшей.⁵

В царствование Михаила Федоровича после недавней эпохи „Смуты“, когда казаки примыкали к войскам самозванцев, борьба правительства с независимостью Войска только начиналась. „Отдаленность Дона от

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 20—21.

² С. Тхоржевский. Донское войско в первой половине семнадцатого века. (Русское прошлое. Исторические сборники, № 3, Л.—М., 1923, стр. 25).

³ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд., СПб., 1906, стр. 135.

⁴ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., СПб., 1889, стр. 40; см. Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 249. Русск. ист. библи. т. XVIII, СПб., 1898.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 34; С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 17—25; Ч. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 62.

Москвы долго не позволяла московскому правительству широко развернуть систему военно-политического контроля над донским казачеством¹. Приходилось ограничиваться всевозможными увещеваниями и порой отказом в посылке ежегодного жалованья. Но это мало действовало на казачью „вольницу“: „верные подданные московского государя — на словах, казаки постоянно доказывают полную самостоятельность и непослушание Москве в своих действиях“². Так, например, в 20—30-х годах XVII в. московское правительство было заинтересовано в мире с Турцией и Крымом и беспрестанно, хотя и безуспешно, уговаривало казаков прекратить набеги на их владения. Но „несмотря на грозную опалу царя.. и даже отлучение патриархом казаков от церкви в 1630 г., грабежи продолжались, и правительству московскому пришлось сложить с казаков опалу даже за такое преступление, как убийство посла Карамышева, привезшего им опальную грамоту“³. В такие „моменты острых конфликтов“ Войско не боялось угрожать царю тем, что оно „реку покинет в пуге“ и даже перейдет на службу к литовскому королю, т. е. в Запорожье⁴.

„Московское государство хорошо понимало всю пользу, приносимую ему дешевыми охранителями его украин, страшными для соседей“⁵, но должно было удерживать казаков от слишком активных действий. Зажиточная верхушка казаков, на которую можно было бы опереться, в ту пору была еще слишком незначительна. Приходилось идти на уступки, уговаривать. В 1623 г. князю Белосельскому, отправляемому на Дон послом, царский наказ предписывал: „государскую грамоту... вычитывать им (казакам. — А. Р.) с радостью, чтобы их не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладостию. А многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить“⁶.

Посылая на Дон какое-либо распоряжение, царь не мог ограничиться лаконичным приказанием, уместным, например, по отношению к любому его воеводе, хотя бы и знатному князю. Здесь он должен был витиевато осложнять речь своей грамоты указаниями на то, что казаки „природные“ его холопы, напоминаниями, чтобы они „прежней своей чести и славы не теряли“ и служили „верою и правдою“, стояли бы „крепко и мужественно“, „помня бога... и свою природу“, „за веру христианскую“ и „дом богородицы“ против „бусурман“ и т. д. Царь то грозил „опалой“ и упрекал за ослушание, то „милостиво похвалял“ казаков и обещал жаловать, „смотря по службе и радению“⁷. Все эти нравоучительные сентенции быстро приобретали характер постоянных формул.

Донские казаки очень гордились своим особым положением в государстве: „все земли нашему казачьему житью завидовали“, писали они в гра-

¹ [Б. В. Лукин]. К истории донского казачества, Ростов-на-Дону, 1939, стр. 46.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 60.

³ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁴ С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 27.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁶ А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского. СПб., 1870, стр. 15.

⁷ Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 217, 224, 246, 307; кн. 2-я, стлб. 464, 465 и мн. др.

моте 1638 г.¹ Одновременно с этим они сознавали свое значение в обороне русских „украин“ и не упускали случая напомнить царю о необходимости и бескорыстии их службы: „служим мы только с воды да с травы, а не с поместий, и не с вотчиц, и за дом пречистые богородицы... и за тебя, великого государя, и за все твое государево Московское и Российское государство противу твоих государевых неприятелей турок и татар бьемся, не щадя головы свои складываем, раны и увечья принимаем“.²

Уже по этому отрывку одного из войсковых документов видно, какой значительный простор повествовательно-патетическому стилю давали казаки в пределах своей официальной документации. Сознание своей „воли“ и силы, фактической недосыгаемости для московских властей и обязательное санкционирование текста войсковых отписок всем „кругом“, а, следовательно, активное или хотя бы пассивное влияние казачьей массы на их составление, не могло не отразиться на стиле и тоне этих документов, которые нередко выходили за пределы собственно делового „служебного“ доклада, отправлявшегося на царское имя.

Следует отметить, что эти особенности в положении казачества проявились особенно ярко именно до азовской осады, в период наибольшего „расцвета вольностей Донского Войска“,³ и преимущественно в годы обладания Азовом (1637—1641). Разбитое и обескровленное в результате „осадного сидения“ и продолжавшихся после него постоянных набегов татар, казачество на ряд лет во многом меняет тон своих сношений с Москвою, хотя в целом сложившаяся ранее стилистическая традиция его отписок продолжает существовать и в дальнейшем.

Вот эти-то особые политические отношения между царем и Войском Донским в данный период и обусловили в конечном итоге, по нашему мнению, возможность формирования той своеобразной литературности и повествовательности, которая отличала тогда официальную переписку Москвы с Доном.

Учитывая эти общие замечания, остановимся теперь несколько подробнее на характеристике казачьих войсковых отписок.

3

Составители отписок, как сказано, не чуждались образной речи и время от времени вводили ее элементы в состав обычного канцелярского изложения. Образность эта черпалась по преимуществу из живого языка, из языка казачьей среды, частично также из книжной традиции.

В нашу задачу не входит детальное изучение этого интересного вопроса, который мог бы послужить темой специального исследования. Нам необходимо только проследить на нескольких примерах основные жанровые и стилистические особенности войсковых отписок, охарактери-

¹ Там же, кн. 1-я, стлб. 810.

² Там же, кн. 5-я, стлб. 571.

³ С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 12.

зывать в общих чертах те своеобразные черты данной канцелярской формы, которые в значительной степени подготовили и обусловили жанр и стиль Поэтической повести об Азове.

Войсковые отписки, документально выражавшие внешнюю политику Войска Донского, излагались всегда от имени всего Войска в первом лице — „мы, казаки...“ Этот способ изложения, сочетавшийся с достаточно свободным и „политичным“ отбором, освещением и риторическим украшением желательных для Войска фактов, усиливал в документе тон повествовательности, придавая ему характер как бы непосредственного коллективного рассказа. Эта черта отписок, как мы уже упоминали, легла в основу жанровой формы Поэтической повести. В деле использования содержания и особенностей стиля документов войсковой канцелярии, наша повесть имела своих литературных предшественников. Таковыми были возникшие в казачьей среде Историческая повесть об азовском взятии и, частично, Особая повесть об Азове.

Особая повесть, детально исследованная А. С. Орловым, большого литературного интереса не представляет. Для нас она выполняет только служебную роль одного из показателей той литературной культуры на Дону, в которой возникла и Поэтическая повесть. Историческая повесть значительно интереснее. Справедливо отмечая, что изложение казачьих документов в общем „весьма напоминало обычные воинские повести“, А. С. Орлов характеризует далее условия возникновения этой повести. „Вот в таком типе, — пишет он, — была записана в документах и история казачьих подвигов о взятии Азова в 1637 г., об осадном сидении в 1641 г. Повесть о взятии Азова, вероятно, создавалась на месте, в самой донской канцелярии, войсковым подъячим, сочинителем «отписок» о событии, притом образованным книжником“.¹ Сопоставление стиля Исторической повести с традицией воинских повестей произведено было А. С. Орловым,² сравнение же ее с войсковой отпиской о взятии Азова не предпринималось. Для того, чтобы характеризовать жанр и стиль войсковых отписок, выберем в качестве типичного образца именно эту отписку и сравним некоторые ее эпизоды с текстом Исторической повести.

Войсковая отписка от 3 декабря 1637 г.³ говорила о событиях большой важности: казаки взяли Азов и, кроме того, убили турецкого посла Фому Кантакузена. Эти действия были совершенно неожиданными для московского правительства и серьезно его встревожили, так как могли послужить достаточным поводом для войны Турции против России.⁴ Казаки вполне сознавали, конечно, всю политическую значительность содеянного

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков, стр. 330.

² А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 1—46.

³ Первая отписка о взятии Азова не сохранилась, но сохранился ответ на нее — царская грамота от 20 сент. 1637 г. Цитируемая нами отписка является ответом на эту грамоту и вторично докладывает о том же, о чем сообщалось в первой отписке.

⁴ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 43—53 (МГУ, Уч. зап., вып. 94, 1946).

ими, но считали себя во всем правыми и в ответе царю старались всячески объяснить свои действия с наилучшей для себя стороны.

После вступительной части, в которой „донские атаманы козаки Михалко-Иванов¹ и все Войско Донское челом бьют“² государю и указывают, что царскую грамоту они получили, начинается изложение „по существу“.

Войсковая отписка

Пошли мы, холопи твои, под град Азов с великие скорби, помня свое крещение и святых божия церкви, и свою истинною православную крестьянскую веру, что ис того града Азова от бусурманские веры, агарянского изчадия поганского языка от злохитренных волков чинилось пакость великая...

Историческая повесть об Азове ..бысть гонение на истинную нашу православную христианскую веру от тех злохитренных окаяных и свирепых и немилосивых волков поганского языка бусурманския веры от агарянского изчатия.

(51).

Казалось бы, в официальном деловом документе можно было бы ограничиться простым упоминанием того, что жители Азова наносили русским большой вред, и перейти далее к конкретным указаниям, в чем именно этот вред состоял. Вместо этого, однако, составитель отписки развертывает перед своим адресатом чуть ли не целую литературную картину, все краски которой взяты из традиционной книжной риторики. Автор Исторической повести, изображая те же исторические события, украшает свой рассказ теми же риторическими фигурами, какие читаются и в отписке. Знакомый, очевидно, с этой отпиской, автор повести воспользовался в данном случае ее картинным языком, удовлетворившим его литературный вкус так же, как соответствовал он и литературным запросам неизвестного составителя отписки.

Переходя далее к более конкретному материалу, отписка указывает, что от действий этих живущих в Азове „злохитренных волков“ „чинилась пакость“ —

..твоей, великого государя царя, отчине украинным городам, нойпачей-ж весем и разорение святым Божиим церквам, и крестьянскую невинную кровь пролияния, и в полон православных крестьянства отцов и матерей и братию нашу и сестер и магия. И оне, азовские люди, искони поругались нашей истинной православной крестьянской вере, и за море отец и братию и сестер наших продавали на каторги...

в том Азове живяху поганския люди и изхожаху Всероссийское государство и в украинные города, паче же и в Литву и во многие земли, разоряя престолы святых божих церквей... (51)

..православное крестьянство под меч клоуша, и овых в плен и маху и порубошаху в своих домах.. (51).

..а иных за море продаваху в великия неволы на катарги (51—52)

Далее в таких же повествовательных тонах войсковая отписка перечисляет прочие притеснения, которые чинили азовцы казакам. Всякое дей-

¹ Войсковой атаман.

² Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 636. Русск. ист. сбл., т. XVIII, СПб., 1898.

ствии противника при этом и далее объясняется традиционными мотивами религиозной вражды. Притеснения турок как бы вынуждают казаков к сопротивлению и овладению Азовом:

И мы, государь, холопи твои, видев в Российской земли разорение от них, бусурманов, святым божиим церквам и поношение² нашей православной истинной крестьянской вере, и помня свой смертный час, чтоб веру крестьянскую и за тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, и за единокровных братию свою хотя померети, а их поганых бусурманов под меч подклонити, и Азов город взяти, и в нем утвердити по прежнему наша крестьянская вера, и пошли, государь, мы, холопи твои, под тот град Азов все, утвердившеся сердцами единомышленне и поболев душами своими о нашей крестьянской вере, и его осодили опреля в 21 день.

И толикия быша грубости¹ московского государства людям и иным многим землям и поношение православной вере от них, поганых бусурманов (52). И тот атаман Михайло Иванов со всем великим Донским Войским подумав твердо и непоколебимо, утвердишася сердцами своими во единой мысли... чтобы милостию божиею и пречистые богородицы молением и помощию... и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастием... Азов град одинолично взяти и всем утвердити по прежнему истинная наша православная христианская вера словенского языка, а живущих в нем поганского языка бусурманския веры под меч подклонити (54).

Месяца апреля в 21 день в пятницу Азов осадили (55).

Такое своеобразное изложение документа, отличающееся явными признаками „литературности“ той эпохи (даже использование традиционной формулы „под меч подклонить“), имело своей целью не столько, конечно, сообщить деловые данные, сколько идеализировать до предела и выставить в самом благоприятном свете то благочестивое настроение казачества, которое будто бы и определяло все его действия. Повесть разделяет такую оценку действий казачества и потому для мотивировки его „единомышленных“ решений повторяет украшенную фразеологию отписки. Общая у авторов отписки и повести культура деловой речи создает и здесь и дальше сходство и в самом способе передачи фактического содержания („украинные города“, „продавали на катарги“, „утвердившеся сердцами единомышленне“ и т. д.).

Далее составитель отписки подходит к весьма трудному и щекотливому вопросу: нужно докладывать о казни турецкого посла Фомы Кантакузена, который направлялся от имени султана к царю Михаилу Федоровичу.³

Начинает об этом отписка очень издали, причем привлекает в оправдание казаков на первых порах такие чисто бытовые мотивы, которые никак не отвечают серьезности этого официального объяснения:

¹ Ср. в другой отписке: „И ныне указал ты, государь, за многие грубости и неправды крымского царя и за многие разоренья Московскому государству итти на Крым войною...“ (Донские дела, кв. 2-я, стлб. 898. Русск. ист. библ., т. XXIV).

² В тексте отписки ошибка: „попрашение“.

³ См. подробно: Н. А. Смирнов, ук., соч., т. II, стр. 45—54.

А как, государь, мы стояли под тем градом Азовом, и те азовские люди нашу братью козаков ис пушек ис турок побивали, и мы, государь, холопи твои, велели их отвозить коюками на Монастырской ярубиенных и велели их у часовни погребати по правилом святых отец священнослужителем.

А с тем, государь, турецким послом с Томою Катакузиным был толмач Охреян Осанка, и он говорил так: топерь де ис под Озова казаков возят коюками, а станут де еще возить и бударам; и многие, государь, тот Охреян Асанка толмач своим злым волшебством нам, холопиям твоим, чинил пакости великия, сверху по Дону на низ в наши таборы нарядныя чары деючи пушал.

Перед глазами читателя официального документа вдруг открывается здесь живая сценка, переданная метким бытовым языком. Естественно, что она воспринимается Исторической повестью почти без изменений.

Далее, после этой „прелюдии“, в отписке речь идет уже о действиях самого посла:

А посол Тома Катакузин в тое пору посылал своих греков з грамотами, выведав наша к Озову умышления думу приступную и подкопы, а велел, государь, в город на колодах ношью приплыти, из града, государь, велел азовским людем посылати в Крым, и в Томань, и в Керчь для ратных людей на выручку к Озову.

И божнею, государь, милостию, и пречистыи богородицы помощию, и святого славного пророка и Предотеча крестителя господня Ивана умолением, посольских людей на колодах пронесло мима града на низ, в наши, холопей твоих, таборы с их изменничьи грамоты.

И мы, холопи твои, не утерпя ево измену и за ево волшебство их, что, стоя под Озовым, терпим голод великой и всякие нужные скорби, того турецкого посла Томою Катакузина со всеми ево людьями побивали до смерти.

...Донское Войско повелеша своих телеса... погребати по уставу святых отец по преданию... (60)

А Охреян Осанка толмач, который с тем послом был, и он своим волшебством великому Донскому Войску чинил пакости великую, а говорил так: „тепере де казаков испод Азова побитых возят каюками, а станут де возить и бударам“ (56).

И выведаячи тот посол Фома у всего великого донского войска к Азову приступную думу, и послал в Азов сызменными грамотами и из Азова велел послати в Крым для людей и в Томань и в Керчь. И божнею милостию и пречистые богородицы помощию и государьским счастьем, а войсковым радением тех изменников сы их изменными грамотами поимали (56).

И за то того посла Фому и ахреяна Асанка толмача и их людей за их измену казнили (57).

В последних примерах подлинный документ дает даже более развернутый, осложненный разными отступлениями вариант повествования, чем Историческая повесть, явно сокращающая рассказ.

Далее в отписке казаки заявляют, что в той их „вине воля божия и твоя, праведного государя“, указывают на пример, когда русский посол Иван Бегичев был казнен Крымским ханом „ни за кокую измену“, напоминают свои исконные заслуги, заверяют в готовности служить „своими головами, верою и правдою“, и т. д. После этих обычных отступлений, при описании азовских церквей отписка еще раз соприкасается с Исторической повестью:

Да в нижнем, государь, городе престол божий, а церковь стоит и доныне святого славного пророка и Предтеча крестителя господня Ивана, а кола того храма жили греки и поганья азовские люди около того храма ограду разорили и церкви божи поругались, а служит, государь, у тое церкви греческой поп черной, а за тебя, праведнаго государя, бога молит, а прислон он от царегратцкогю потриярха.

Да в том же граде Азове по прежней нашей православной христианской вере греческого языка престол божий, а стоит церков и доныне святого и славнаго пророка и Предтеча крестителя господня Ивана. А служить у тое церкви греческой поп черной, и тое церков божию они, поганья, многажды разоряли. Около того храма жили греки и от тех окаянных азовских людей принимали лютую скорбь и гонение и укор и поношение христианской вере (52).

Для нас нет надобности продолжать цитацию этой большой отписки, которая трактует далее о разных других делах, — жанровый характер и стиль этого документа в основных чертах уже выяснен. Литературность этого образного и повествовательного стиля войсковой канцелярии привлекла внимание автора Исторической повести об азовском взятии.

Не ставя своей целью в пределах настоящей работы специально исследовать Историческую повесть, мы привели только тот сравнительный материал, который наглядно показывает ее тесную связь с войсковой канцелярией. Сближения этой повести с казачьими документами не исчерпываются одной отпиской о взятии Азова. Характер этих сближений, как можно было уже убедиться, напоминает скорее близкие вариации, чем точное копирование документальных источников. Эти особенности говорят о том, что Историческая повесть не является просто механической переработкой указанной отписки или первой отписки о взятии Азова, но представляет собою литературный плод той своеобразной письменной культуры, которой отличалась войсковая канцелярия донских казаков.

Внутренняя переписка казачества, т. е. грамоты Войска в „верховые“ городки, которые дошли до нас, к сожалению, лишь в единичных образцах, отличаются, по сравнению с отписками к царю, как отметил А. С. Орлов, еще большим поэтическим пафосом.¹

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 21—22.

Форма изложения войсковых отписок, как можно было уже убедиться из приведенных отрывков, помимо своего общего довольно свободного тона повествования от первого лица, помимо обязательных постоянных формул религиозно-благочестивого и верноподданического характера (стояние за „веру христьянскую“, за „дом богородицы“, служба „верою и правдою“, победа „государским счастием“ и т. д.), включала в свой оборот и элементы образной фразеологии, которые также отливались в постоянные словосочетания, например: а) „под меч подклонити“. б) Казаки служат государю „ни с вотчины ни с поместий“. Эта специфическая казачья формула обычно употребляется в более полном виде: „не с вотчин, ни с поместий, с воды, да с травы“.¹ Отметим близкую формулу у запорожских казаков: „служим за траву и воду“. Ср. эту формулу и у сибирских казаков: часть казаков Е. Хабарова взбунтовалась (1652 г.), насмешливо заявляя, что они впредь не согласны служить государю „своими головами с травы и с воды“.² Заметим, что эта распространенная формула казачьих документов, отражающая, вероятно, поговорку казаков, выражает определенную политическую концепцию данной социальной среды. Казаки напоминают этой формулой „власть имущим“, с одной стороны, о трудности и необеспеченности их службы на „украинах“ государства, которую они несут за право владения там реками и полями, а с другой — они намекают на свое отличие в этом отношении от „бояр и дворян государевых“, которые как раз и получают от царя за свою службу „вотчины и поместья“. в) В отписке, как и в Исторической повести, употреблена традиционная риторическая характеристика „бусурман“ как „агарянского изчадия“, „злохищренных волков“. Сравнения эти бытовали у казачьих канцеляристов, о чем свидетельствует наличие их и в других войсковых отписках: „Они (крымцы и турки. — А. Р.) перед собою о воинском деле вестников никаких не посылают, ходят на православное крестьянство, аки злохищренные волки под беззобивых агнец“,³ или — „а мы, государь, холопи твои, над ними турскими и крымскими людьми. . . над агарянским изчадием, прося у бога милости, ради. . . промышляти“.⁴ Те же образцы наблюдаются в Особой повести: „и нападоша на Войско, аки лютии и немилостивии волци на беззобивых агнец“;⁵ „бусурманы“ и в этой повести характеризуются, как „агаренское исчадие“,⁶ или — „А он (хан. — А. Р.) безбожный агарянин, похитив аки лютый волк беззобивых агнец, и пришед под Азов с своею силою великою“.⁷

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 155; ср. еще там же, кн. 3, 714; кн. 4, 37, 349, 697, 731, 733, 832; кн. 5, 571 и др.

² С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре. Л., 1925, стр. 48.

³ Донские Дела, кн. 2, стлб. 123.

⁴ Там же.

⁵ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 28, 33—34.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 31.

Примеры показывают, таким образом, что войсковые канцеляристы в целях создания большей выразительности стиля своих отписок охотно пользовались подходящими к случаю традиционными образами и оборотами старой книжной стилистики и вместе с тем вовлекали в свое изложение образность живого языка и фольклора.

В цитированной отписке, например, использован выразительный оборот живой речи — слова толмача Асанки о том, что теперь де тела казаков из-под Азова „возят коюками, а станут де ещо возить и бударами“. Такая манера характеристики создавшегося положения, путем введения в документ лаконичного образа живой речи, широко применялась составителями войсковых отписок. Так, например, в одной из них говорится, что казаки посылали за помощью „к черкасским и к манотцким“ своим собратьям, чтобы те шли в Азов, но „они, государь, нам отказали: мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки“.¹ В одной из отписок Войска к крымскому хану (1682 г.) казаки сначала перечисляют различные неосновательные притязания хана и угрозы его итти войною на Дон, а затем в самом конце отписки дают свой короткий образный насмешливый ответ: „а и сам ты, хан Мурат-Гирей, хочешь под наши городки итти многим собранием по льду, зимним путем, войною. И наши городки некорыстны — оплетены плетнями, а обвешаны тернами, а надобно их доставать твердо головами, а стад у нас конских и животных мало: даром вам в дальний путь забиватся“.²

В одной из царских грамот на Дон, в которых в отдельных случаях также употреблялись в обращении к казакам обороты разговорно-речевого характера, запорожцы ставятся в пример донцам, причем отмечается в духе поговорки: „И они (запорожские казаки. — *А. Р.*) умели заворовать, умели и кровью заплатить“.³

Наши примеры далеко не исчерпывают, конечно, различных случаев введения образной речи в казачьи отписки, однако они характеризуют с достаточной наглядностью тот своеобразный литературно-деловой стиль канцелярии Войска Донского, который выработался в его документации в XVII в.

Заботясь о выразительности и убедительности своих отписок, войсковые дьяки в подходящих случаях передавали в них прямой речью те или иные переговоры, которые вело Войско с его противниками. Подобного рода „речи“ — переговоры характерны и для повестей об Азове.

Сопоставление показывает в некоторых случаях не только общую близость содержания и построения этих „речей“ в отписках и повестях, но также и заметную близость в употреблении образных средств выражения. Например, автор Поэтической повести не только ввел в состав своего произведения „речи“, как жанровую черту некоторых войсковых

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 177.

² Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Шишковым, т. I. Новочеркасск, 1891, стр. 110.

³ Донские Дела, кн. 1, стлб. 250.

отписок вообще, но, кроме того, усвоил и воспроизвел весь тон и манеры изложения казачьих „речей“ в отписках и даже повторил отдельные стереотипные фразы и обороты, которыми пользовались войсковые канцеляристы, когда они писали об азовских делах.

Казачьи „речи“ в отписках включались в эти официальные документы, конечно, не столько в целях делового отчета перед царем и сообщения ему подробностей действительного положения на Дону, сколько с намерением расположить царя в пользу Войска, убедить его в совершенной правоте и необходимости действий казаков. Включение таких „речей“ в документ придавало официальному докладу известную наглядность и выразительность, сообщало ему даже элементы драматизации и повышало его эмоциональное воздействие на адресата в желаемом для Войска направлении.

Если бы войсковые дьяки преследовали только цели делового отчета, они могли бы в этих отписках ограничиться простым указанием на то, что Войско отклонило предложения крымского хана о передаче ему Азова. Но вместо этого они подробно воспроизводят в образной форме живой насмешливой казачьей речи ответы Войска послам хана. Составители отписок в этих случаях несомненно передавали общий смысл и тон переговоров казаков с послами, но при этом, разумеется, они обдуманно отбирали для своих отписок и добавляли в свое изложение „речей“ именно то, что соответствовало московской ориентации в политике Войска. Очевидно предполагалось, что в результате этого возникнет достаточно выразительный дипломатический эффект. Действительно, царю читали войсковую отписку, а в ней воспроизводился прямой речью как бы подлинный текст ответов казаков их противникам, причем из этого текста следовало, что казаки говорили хану именно то, чего желало московское правительство, что отвечало его внешней политике.

В Москве, как отмечает Н. А. Смирнов, казакам „простили и захват Азова и убийство турецкого посла. Они лишь были обязаны помнить, что взятие Азова произошло по их собственной инициативе, а не по приказу Москвы. Правительству было очень важно, чтобы эта точка зрения, которая полностью соответствовала действительности, была настолько усвоена, чтобы даже случайные казаки, попадающие к туркам в плен могли в один голос ее подтвердить и тем самым отнять у турок всякий повод подозревать русское правительство в двойной игре“.¹ В качестве примера к этому добавим, что атаман Денис Григорьев заявлял в Посольском приказе (29 мая 1641 г.) о том, как, будучи в плену в Цареграде он отрицал предполагаемое турками участие царских войск во взятии Азова.²

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 53.

² Донские Дела, кн. 2-я, стлб. 180.

В „речах“ отписок казаки от лица всего Войска подтверждали, что они взяли Азов без государева „повеления и помочи“ и, следовательно, показывали царю, что и в своих сношениях с противником они неуклонно держатся желаемой для него точки зрения, не собираются прикрываться царским именем и всю ответственность за Азов принимают на себя.

С другой стороны, эти „речи“ в составе отписок были удобной формой для того, чтобы косвенно напомнить царю, обращаясь опять-таки будто бы только к крымскому хану, о том, что казаки дорожат своей независимостью и самостоятельным положением в Азове. Если при взятии города от государя им помощи не было, то они одни хозяева своего завоевания: „одни мы, казаки... взяли Азов... одне мы ныне в городе и живем“.

В таком же плане, как мы уже говорили однажды,¹ „дипломатически“ пользуется формой „речей“ и автор нашей повести, ориентируя свое произведение на московского читателя.

Таким образом, и общая целевая установка включения таких „речей“ в состав рассказа об азовских событиях, и манера изложения их, доходящая местами до текстуальных совпадений, оказываются в подлинных войсковых отписках и в Поэтической повести очень близкими.

В связи с этим мы должны отметить одно наблюдение А. С. Орлова, которое представляется нам очень существенным. Сравнивая Особую повесть с казачьими войсковыми документами, исследователь писал: „Сходство речей разновременных и записанных в разное время (1638 и 1641 г.), доказывает только одно, что для передачи их на Дону выработался определенный шаблон“.² В „речах“ отписок и повестей мы обнаруживаем вполне определенную и закрепленную уже традицией своеобразную канцелярско-литературную обработку живой речи, сочетание ее с официально-деловым стилем.

Мы думаем, что этот полу-литературный стиль отписок с их выразительными „речами“ сложился под влиянием специфических условий самой жизни казачества в ту эпоху, и что он многое почерпнул из живой „ораторской“ речи казаков, специалистов по переговорам с противниками. С другой стороны, может быть, и эти уже обработанные документально-литературные формы в дальнейшем в свою очередь влияли на стиль речей донских „ораторов“.

Существование и деятельность одного из таких „ораторов“, участника азовского „сидения“ и „специалиста по речам“, как характеризует его А. С. Орлов, засвидетельствованы документально. Атаман Осип Никитин Лосев, сын служилого в Ельце человека, сам с детского возраста более 30 лет „служивший“ на Дону, во время осады Азова в 1641 г. был избран Войском в качестве парламентаря. В челобитной на царское имя от 1 октября 1644 г. он о себе рассказывает: „И я, холоп твой,

¹ См. подробнее в нашей ук. статье (т. VI наст. изд.).

² А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 27—28.

в осаде сидел... И в том же году, за неделю до Оспожина заговейна (т. е. 23 июля. — А. Р.), из осады из Озова меня, холопа твоего, всем Донским Войском посылали к турецким пашам и х крымскому царю против их посланных речей говорить. И я, холоп твой, к турецким пашам и х крымскому царю от Войска говорил и по их войсковому велению. И был я у них два дни да ночь и пришел х Донскому Войску в Озов в осаду и их обманная речи Войску розсказал¹.

Живую связь деятелей войсковой канцелярии с воинским бытом казаков мы можем иллюстрировать интересным историческим примером. Войсковой дьяк Михаил Петров, как видно из его челобитной на царское имя (от 23 апреля 1650 г.), действовал не только пером, но и мечом, и „на той... государеве службе и на бою, обливаясь кровию, тут же с Войском Донским был и тебе, государю, служил и за тебя, великово государя, умирал“². Дьяк Петров тяжело раненный попал в плен к татарам, был продан в рабство, переходил из рук в руки, побывал в Азове, в Крыму, Царьграде, Сувазе, затем через Кавказ бежал на Терек, оттуда переехал в Астрахань, попал, наконец, снова на Дон, где его „учинили войсковым дьяком попрежнему“. „А в роспросе донские станичники... про нево, Михайла, сказали, что у них на Дону человек знатной, а у государевых дел и у войсковых писем работает войсковым дьячьим именем давно“³.

Мы имели случай отметить и политическую деятельность одного из войсковых дьяков, Федора Порошина, видимо автора Поэтической повести, который в трудную для казачества минуту выбирался Войском и посылался в Москву в составе станицы в качестве ее есаула, той самой станицы, которая везла отписку с чрезвычайным известием о победе казаков и с просьбой к царю принять Азов⁴.

Итак, постоянное ведение всевозможных переговоров с друзьями и врагами, с татарами, турками, ногайцами, калмыками, персианами, запорожскими казаками и т. д., отчеты об этих переговорах в отписках на царское имя, кроме того, привычка к постоянным публичным выступлениям в войсковом и станичных кругах, яркий народный юмор, не стесняемый на Дону никакими социально-политическими преградами, — все эти исторически обусловленные явления казачьей жизни не могли не создать, как нам кажется, своеобразной культуры „ораторской“ речи. Письменное оформление и обработка этой речи протекала в войсковой канцелярии, что и отразилось на рассмотренных „речах“ отписок, а также на „речах“ Особой, Исторической и, главным образом, Поэти-

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 585; подробнее о Лосеве см.: А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 22—23.

² Донские Дела, кн. 4, стлб. 501—502.

³ Там же, стлб. 509.

⁴ См. подробнее в нашей статье „Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове в „Докладах и сообщениях филологического факультета Московского университета“, вып. 5, М., 1948.

ческой повестей об Азове. Остро публицистическое содержание „речей“ автор Поэтической повести выразил средствами, выработанными, с одной стороны, в практике казачьего ораторства, с другой в метком и выразительном просторечии, а частично и в своеобразном казачьем фольклоре.

Включение в состав Поэтической повести „речей“ турок и казаков в данных социально-исторических условиях было так же закономерно и органично для ее жанра „отписки“, как и включение подобного рода „речей“ в состав подлинных войсковых отписок.

4

Донские войсковые отписки с их характерными жанровыми и стилистическими особенностями могут быть сопоставлены с отписками сибирских казаков середины XVII в. Сибирское казачество, состоявшее, главным образом, из беглых холопов, ссыльных, „вольных“ и „охочих“ людей, соединившихся в сравнительно небольшие военные отряды, вело в этот период жестокую и трудную борьбу с даурами, „богдойскими людьми“ и другими восточными народами за обладание рекой Амуром и окрестными землями.¹ Социальный состав, быт, культура и деятельность этих казаков во многом сближают их с казачеством Дона, а их деловая переписка с сибирскими воеводами как бы в миниатюре повторяет переписку Войска Донского с русским царем.

Отписки казаков с Амура отличаются большой литературностью и, что особенно интересно, наподобие донских отписок неоднократно вводят в состав документально-делового изложения традиционные литературные образы.

Амурские казачьи отписки обнаруживают в некоторых случаях определенную типологическую близость с Поэтической повестью об Азове.

Ограничимся здесь привлечением двух отписок. Первая из них представляет собою донесение „служилого человека“ Е. П. Хабарова якутскому воеводе Д. А. Францбекову о военных действиях казаков на „великой реке Амуре“ в 1652 г.²

Хабаров по обычаю „бьет челом“ воеводе, а затем начинает повествование в стиле уже знакомой нам традиции отписок: „И июня в 2 день, поделав суды болшие и малые, и прося у бога милости и у всемирного спаса, из того города Албазина поплыли...“ Плавание Хабарова сопровождается непрерывными стычками с туземцами, осадой и взятием их городов: „и мы наскоре из стругов своих пометались на берег и за ними (даурами. — А. Р.) побежали, и они... в те свои городы засели“. Начинается осада. Казаки „божиею милостию, и государским счастьем...“

¹ С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре; его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

² Дополнения к Актам историческим, т. III, № 102, стр. 359—371; далее в скобках укажем страницы.

тот город наскоре обсадили“. Следует изображение переговоров с осажденными: „и яз, приказной человек, велел толмачам говорить про государское величество, что наш государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси страшен и грозен и всем царством обладатель, и никакие орды не могут стоять против нашего государя... и против нашего бою, и вы, князь Гуйгудар,... без драки сдайтесь“. Ответ осажденных на этот официальный ультиматум выдерживается в духе народной образной речи: „И тот Гуйгудар то стал говорить: даем де мы ясак богдойскому царю..., а вам де се какой ясак у нас, как де мы бросим последним своим робенком, дитятем, то де мы вам с себя ясак дадим“.

Изображение осады, стрельбы с обеих сторон влечет за собою включение в документ поэтического образа: „и настреляли они, дауры, из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна“ (360). „И те свирепые дауры не могли стоять против государьской грозы и нашего бою, и из того города напролом... побежали..., и, божиею милостию и государским счастьем, тех дауров в пень порубили всех с головы на голову...“

Дальнейшее изложение этой большой отписки ведется также в форме хронологически последовательного полулитературного повествования. Один эпизод особенно выразителен: „На утреней зоре, сверх Амура реки славныя“ неожиданно „ударила“ на казаков „сила богдойская“. „И наш казачей ясаул закричал в городе, Андрей Иванов служилой человек: «Братцы казаки, ставайте наскоре и оболакайтесь в куяки крепкие», и метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую... ажно бьет из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское; и мы, казаки, с ними, с богдойскими людьми, войском их дрались из-за стены с зори и до схода солнца... а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали“. Ср. этот образ еще более гиперболизированный в Поэтической повести: „и покрыли весь Азов город знаменами своими“ (Е, 144), или „и теми своими знаменами укрыли у нас весь Азов город наш и все стены и башни азовские“ (Р, 193).

Казаки Хабарова слышат далее, как „из того их великого войска богдойского кличет князь Исиней... и все войско богдойское: «не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем»“. Они приступают к традиционному прощанию: „и яз Ярофейко (Хабаров. — А. Р.), и служилые люди и волные казаки, помолясь спасу и пречистой владычице нашей богородице и угоднику христову Николе чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов и все наше войско казачье: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом спаса и пречистые и Николы чудотворца и порадеем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не здадимся»“.

Этот мотив прощания перед боем, отражающий несомненно характерное явление военного быта казачества, по манере своего изображения здесь близок аналогичной картине в Поэтической повести: „...и мы, бедныя, прося у бога милости и пречистыя богородицы помощи и предтечева образа, и призывая на помощ чюдотворцы московские, учиня мы меж собою последнее прощание друг з другом и со всеми православными крестьяне... пошли к ним из города на прямой бой...“ И далее: „и мы, бедныя,... за твоею помощию божиею за веру крестьянскую умираючи, бьемся против сил болших 300 000, за церкви божи, за все государство Московьское и за имя царьское“ (Б, 148—149).

Изображение молитвы и прощания казаков в повести об Азове, которое мы цитировали здесь сокращенно, отличается от амурской отписки большей литературностью выражения, однако план построения этой картины и стиль ее обнаруживают с последней значительное сходство, отнюдь не свидетельствующее, конечно, о влиянии одного эпизода на другой. В обеих картинах выражается надежда на помощь „небесных сил“, причем, оформляется этот мотив в обычные шаблоны („прося у бога милости“, „помолясь спасу...“ и т. д.), затем следует мотив прощания „друг с другом“ или „промеж собою“, далее прямой речью выражается молитва, лейтмотивом которой является намерение казаков умереть „за веру крещеную“, „постоять“ за „дом спаса“ или „церкви божи“, за „государство Московское и за имя царское“.

Изображение предсмертного прощания и молитвы казаков в подлинной отписке и в Поэтической повести, выдержанное по преимуществу в стиле канцелярской полу-литературной речи, представляло собою явление новое и своеобразное. Приведем для сравнения изображение аналогичной сцены в Исторической повести об азовском взятии, которое в значительной степени отвечает еще старой традиционно-литературной стилистике: „И учили атаманы и казаки... к приступу готовитца и восприяху у священников истинное покаяние и друг со другом прощахуся, слезами обливающеся, друг ко другу глаголюще: «Помрем, братие, за святыя божиа церкви и за святую истинную нашу православную христианскую веру. Никим же нудими, никим же посылаеми, но сами восхотехом и по своей нашей воле за имя Христа истиннаго бога нашего и за обиду Росийскаго государства единодушно померет»“ и т. д. (59).

Вернемся к отписке Хабарова. После молитвы казаки, „не щадя лица своего“, „дралися“ с „манджурами“. Результат боя передается в совершенно литературной манере: „и нападе на них, богдоев, страх великий, и божиею милостию... покажися им наша сила несчетная и все достальные богдоевы люди прочь... побежали...“ (366). Ср. в другом месте этой же отписки: „и нападе на них, собак иноверцов, страх божий, и против царской грозы и нашего бою стоять не могли и побежали врознь“ (365).

Еще более характерно этот мотив бегства врагов от „страха божия“ выражен в другой отписке с Амура (1655 г.): „и видя к себе те богдойские люди божие посещение, и напode на них ужас и трепет, и они порох пометали на своих таборах в воду и верховые огненные заряды“.¹

Этот мотив, издавна известный старой повествовательной литературе, отразился и в азовских повестях, например в Документальной, где о турках и татарах в конце осады Азова сказано: „вниде ужас в кости им, трепет в забвенныя души, и за четыре часа до дни возмутятся побежали, никим гоними...“ (88), ср. в Поэтической: „возмятесь окаянны и вострепетас побежали никем нам гоними с вечным позором“ (Тх. 5, л. 43 об.).

Последний компонент этого мотива по амурской отписке — враги, уstraшенные богом, „пометали“ свое вооружение, — можно проследить в близкой параллели по Казанскому летописцу: „и паде на ны (татар. — А. Р.) страх и трепет, встав и побежа ношью из града Тулы, и весь наряд свой у града стоящи пометав с великим срамом, гоними божим гневом“.²

Отписка О. Степанова, которую мы уже начали цитировать, изображает осаду Комарского острога почти что в духе воинских повестей. Вот, например, традиционное для литературы „видение“ воинов: „а как сидели в острожке в осаде от богдойских людей, имели казаки пост и молитву и в то время было явление многим древним от иконы всемилостивого спаса, и от иконы пречистыя владычицы богородицы нашей и приснодевы Марии и от всех святых“ (30). В Документальной повести выражение этого мотива строится аналогично: „А как оне в осаде сидели, и оне де казаки имели пост и молитву и моление великое, чистоту душевную и телесную. И многие искусные люди видех вне до конца сна ово жену прекрасну в багряной ризе, а ово мужа древна власата боса и их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганных заступающа...“ (87—88).³ Ср. то же самое в Поэтической повести: „А в сидение свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас людие искусные в осаде то видели во сне и вне сна ово жену прекрасну“ и т. д. (Тх. 5, л. 41 об.).

Обе приведенные отписки по характеру своего стиля стоят уже на грани собственно историко-повествовательной литературы. Если бы эти отписки были размножены в списках, то после самой незначительной литературной обработки они могли бы занять место рядом с такими произведениями, как Историческая повесть об азовском взятии или сибирская Повесть о городах Таре и Тюмени.

Сибирские отписки казаков, таким образом, близкие по своей стилистической манере донским войсковым отпискам, однотипные

¹ Дополнения к Актам историческим, т. IV, № 8, стр. 27—31; отписка „приказного человека“ О. Степанова, который сменил Хабарова в действиях на Амуре.

² Полное собрание русских летописей, т. XIX, столб. 111.

³ „Жена прекрасна в багряной ризе“ — прямая параллель к летописной повести о видении Темир-Аксаку, шедшему на Москву.

в использовании некоторых литературных мотивов с Поэтической повестью об Азове, свидетельствуют о том, что их составители стремились в рамках делового документа создать такой стиль оживленного, как бы непосредственного и часто образного рассказа, который, по их мнению, должен был способствовать наиболее сильному, убеждающему воздействию на адресата.

К такой же по типу канцелярско-литературной „школе“ принадлежал и автор Поэтической повести.

5

Наши материалы показали, что Поэтическая повесть в отношении использования содержания и стиля отписок Войска Донского имела своих литературных прелественников в виде Исторической и Особой повестей об Азове. Эти произведения возникли в казачьей среде и непосредственно связаны своим происхождением с войсковой канцелярией, которая, как мы полагаем, была не только деловым, но и своего рода литературным центром этой среды.

Автор Поэтической повести был, таким образом, не одиночкой, выступившим от имени казаков на неизведанное еще никем из них литературное поприще. Он основывался на профессиональной канцелярской „школе“, уже заявившей о себе определенными литературными образцами. Эта местная традиция была близка письменной и литературной культуре социально-близких донскому казачеству демократических слоев населения других областей России и составляла одно из новых звеньев в цепи развития древне-русской литературы.

Используя элементы содержания и стиля казачьих документов, Историческая и Особая повести об Азове все еще оставались повестями обычного „исторического“ типа. Поэтическая повесть, в отличие от них, не только значительно полнее и глубже усваивает стиль войсковой канцелярии,¹ но воспринимает целиком и самую форму основного документа этой канцелярии — форму войсковой отписки. Она вводит эту форму в литературу как новый своеобразный повествовательный жанр.

Этот оригинальный творческий акт автора повести, подготовленный достаточно разработанной уже у казаков документальной полу-литературной и литературной традицией, был исторически обусловлен, в обстановке политической борьбы за Азов, всем комплексом социально-политических идей, нравственных и эстетических представлений казачества которые и нашли свое художественное и публицистическое воплощение, в Поэтической повести об Азове.

Выбор формы войсковой отписки, как жанра повести, жанра, не свойственного литературным нормам традиционного художественно-исторического повествования, не был, конечно, случайной прихотью нашего автора, которому вздумалось удивить читателей своим формальным

¹ См. подробнее в нашей ук. статье „Из наблюдений над стилем...“, стр. 44—51.

новаторством. Жанр повести диктовался ему идейным содержанием и политической ориентацией произведения. Было бы нелепо, например, ожидать создания героической воинской повести в форме челобитной или грамоты, даже в форме той же отписки, если бы речь шла о событиях давно минувших или таких, которые вообще не давали бы повода для сообщения о них кому бы то ни было в данной документальной форме. Но форма войсковой отписки для изображения от лица казачества только что закончившейся героической обороны далекого Азова была наиболее подходящей.

Осаду Азова можно было бы легко описать и в обычной манере „исторической“ повести, по примеру хотя бы такого произведения об азовском взятии 1637 г. Можно было бы также воспользоваться в качестве образца для своего рассказа не войсковой отпиской, а другим канцелярским документальным источником, хотя бы записью „распросных речей“ казаков, положенных в основу Документальной повести. Но обе эти формы не давали и не могли дать писателю тех широких публицистических и поэтических возможностей изображения азовских событий, которыми располагала форма войсковой отписки.

Талант нашего автора проявился не только в его незаурядном литературном мастерстве, но и в том, что ему удалось удачно соотнести окружающую политическую обстановку со своими творческими задачами и „угадать“ именно ту жанровую форму произведения, которая служила бы адекватным средством для выражения задуманного.

Творческий почин автора Поэтической повести говорит уже о начале тех сдвигов, которые произошли в нашей литературе в XVII в.

Для правильной оценки авторского выбора жанра „отписки“ нужно учесть, что задачей повести было не „историческое“ описание осады Азова и не абстрактное, хотя бы и вдохновенное, описание героизма его защитников. Идейным лейтмотивом повести, определившим ее социальную функцию, была прямо выраженная в ней страстная и единодушная просьба Войска к царю о принятии Азова.¹ Эта основная мысль казачества в данный исторический момент, мысль, вдохновившая нашего автора, могла найти соответствующее своему значению художественное выражение только в такой форме рассказа, которая позволяла передать ее как бы непосредственно от лица Войска Донского.

Войсковая отписка сама была именно такой формой единого коллективного волеизъявления Войска в его сношениях с Москвой, формой, которая выросла и сложилась на почве особых социальных свойств этой военной демократической общины „вольных людей“ и беглых холопов в период расцвета ее вольностей, относящийся к первой половине XVII в.²

Поскольку автор наш был выразителем интересов и идей Войска, как единодушного в этот период военного коллектива, сплоченного борь-

¹ См. в привлеченном нами списке Тх. 5 (1-й редакции) в нашей ук. статье (т. VI наст. издания).

² С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 12.

бой за Азов, естественно, что и жанр его произведения был создан по образцу той формы письменного выражения внешнеполитических интересов Войска, которая была ему свойственна.

Войсковая отписка, таким образом, сама отличавшаяся полулитературным характером, послужила естественной ступенью на пути к художественному обобщению политических задач и нравственных идеалов казачества в этот наиболее напряженный для него и многое решавший момент азовской победы. Повесть наша явилась не искусственной стилизацией „под“ отписку вообще, не копированием подлинной отписки, привезенной Наумом Васильевым, но превращением данной формы в казачью эпопею об азовской осаде.

Возникновение в среде казачества воинской повести об Азове в виде войсковой отписки представляется нам столь же естественным и закономерным, как пародийное использование челобитной для осмеяния пьянствующих монахов Калязинского монастыря или такое же изображение в форме „списка судного дела“ тяжбы Ерша Ершовича с „большими“ рыбами в посадской среде Московского государства XVII в. И если пародийное использование формы челобитной или „судного дела“ несомненно усиливало сатирический эффект этих произведений в глазах читателя-современника, то аналогичное, хотя и иначе направленное, усиление впечатления от произведения должна была вызывать и форма отписки, узнававшаяся в повести об Азове.

Действительно, азовская победа произошла на далеком юге, за „Диким полем“, за теми „украинами“ Русского государства, которые оберегались „рыцарями“ Дона, „богатырями“ святорусскими“. Воспевая заслуженную ими славу, автор повести одновременно оповещал московского читателя об этих дальних событиях. Убедительность такого рассказа, построенного в виде будто бы подлинного документа — отписки, только что привезенной из Азова, от этого только выигрывала.

В обстановке горячего обсуждения азовской проблемы в Москве, в то время, когда среди москвичей в течение нескольких месяцев жили свидетели и участники легендарной победы казачества — атаман Наум Васильев с товарищами, форма войсковой отписки была наиболее эффективным жанром для автора повести. Такая форма повести сочетала в себе элементы документальности с поэтическим вымыслом и эмоционально напряженным, захватывающим рассказом как бы самих героев осады обо всем пережитом ими. Она не могла не содействовать возбуждению в читателях повести особого внимания к патриотическому подвигу казаков и сочувствия к их крайне тяжелому положению после осады.

Но, ориентируя повесть на московского читателя, автор не мог сохранить принятую им форму войсковой отписки во всех ее деталях. Войско Донское в своих отписках всегда адресовалось прямо к царю и включало в свой рассказ непосредственные к нему обращения („государь“). Так, например, во второй отписке после азовской осады, где казаки напоминают о своей просьбе принять Азов и прислать туда гарнизон „к роже-

ству христову“, говорится: „И тот, государь, срок давно прошел, а к нам твоих... ратных людей... не бывало. И буде, государь, вскоре... воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нашу нужду то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов нет, ... а и жить, государь, стало не в чем да некем и нечем...“¹

В Поэтической повести рассказ ведется также от лица Войска, но уже без прямых обращений к царю. Они заменены здесь пересказом будто бы текста подлинной отписки для третьего лица. Например: „... и он, государь, от войны и от татар... А мы, холопи ево (в отписке было бы — „холопи твои“)... А буде государь нас, холопей своих далних, пожалует...“ (Тх. 5, л. 45—45 об.).

Жанр, таким образом, остался прежним, но адресат изменился. Если подлинная отписка апеллировала с просьбой об Азове только к самому „государю“, то параллельная ей повесть, сохраняя ее жанровую форму, как бы расширяла свою аудиторию, выводила обсуждаемый вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались данной проблемой.

Каким же образом Поэтическая повесть об Азове, — этот выдающийся памятник художественной литературы, могла быть построена на данной канцелярской основе?

Мы характеризовали уже выше своеобразный полулитературный стиль казачьих отписок, который охотно пользовался элементами книжной повествовательной традиции, широко включал в свой состав просторечие и образную фразеологию живого языка, создавал „ораторскую“ риторику „речей“. Изложение от первого лица, сообщавшее данной форме характер непосредственного живого рассказа, содействовало объединению всех этих стилистически-разнообразных средств выражения.

„Повествовательный“ характер стиля отписок с ясно выступающими в нем зародышами средств художественного изображения, сочетающимися с необходимой „официальной“ оправой изложения в виде известных канцелярских формул, был талантливо оценен и поэтически развит автором нашей повести.

Такая установка писателя на органическое художественное развитие избранного жанра „изнутри“, основанная на идеологической близости автора к казачеству и профессиональном знании языка отписок, позволила ему создать цельный яркий поэтический стиль, лишенный внешних и идейно не оправданных „украшений“.

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 287—288.